

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что существительные на *-ent со значением 'незрелое живое существо' могли образовываться как непосредственно от названий взрослых животных, так и опосредованно – через ступень прилагательного, образованного от последних с помощью суф. -j- или -n-.

Примечания

¹ См. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, 396; *Фасмер III*, 579.

² Там же.

³ *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). М., 1960, 62.

⁴ *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, 286–287.

⁵ *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963, 226.

⁶ *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1961, 367.

Р. Мароевич*

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ.

5–7**

5. Славянские антропонимы типа *Томашь*

На научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В.М. Истрина (Одесса, 11 апреля 1990 г.), украинский лингвист и ономаст Ю.А. Карпенко попытался фонетическим путем объяснить "загадочное" изменение $z > \dot{z}$ в топониме *Париж* и апеллативе *папеж* и $s > \dot{s}$ в ряде славянских антропонимов, заимствованных посредством западноевропейских языков (личные имена типа *Томаш*). Эти изменения ученый толкует как отражение живого произношения в Моравии в IX столетии, которое западнославянская и южнославянская литературные традиции только продолжили, и связывает их с неразличением согласных *с – ш, з – ж* в псковских говорах и памятниках письменности (уже в древнейших, в XIV столетии). "Уместно поставить вопрос о связи двух описанных явлений. Напрашивается заключение, что праславянскому языку была присуща диалектная черта, выразившаяся в неразличении либо менее свистящих и шипящих (после их возникновения). Черта эта долее всего сохранялась в двух периферийных регионах – Моравии (где получила литературную традицию, но вышла из живого употребления) и у кривичей (где устойчивой литературной традиции не получила, хотя и проникала в письменные тексты, но зато

*© Радмило Маројевић

**Предшествующие статьи этой серии см.: *Этимология* 1981. М., 1983; *Этимология* 1983. М., 1985.

живет в устном употреблении и ныне)"¹. В дискуссии по докладу Ю.А. Карпенко мы отметили, что фонетическая трактовка указанных славянских форм в докладе предельно обоснована, но нельзя считать, что ею научный вопрос решен: она остается в рамках гипотезы. Указывая, что данные "загадочные" формы возможно объяснить и по-другому, мы там же впервые выдвинули свою трактовку, согласно которой все эти слова толкуются как результат словообразовательной адаптации. Эту точку зрения хотелось бы подробнее обосновать в настоящей серии заметок.

В праславянском языке от сокращенной основы полного (двуосновного) личного имени *Miloslavъ* с помощью гипокористического суф. *-jъ* был образован гипокористик *Milošъ* < **Milos-jъ*. Наше толкование происхождения личных имен типа *Milošъ* подтверждают некоторые факты древнерусской антропонимии: личное имя (первоначально ласкательная форма личного имени) *Domašъ*: *Домашъ* Твердиславичъ [ЛН 1/2 XIV, л. 129 (1242)] образовано от сокращенной основы личного имени *Domaslavъ*: пояле дѣвъку у *Домаслава* [ГрБ 1/2 XIV, № 155] с помощью гипокористического суф. *-jъ* (*Domas-* + *-jъ*)².

Словообразование гипокористических форм типа *Milošъ*, *Domašъ*, *Borišъ*, *Vogušъ*, *Bol' ešъ* от полных, двуосновных имен типа *Miloslavъ*, *Domaslavъ*, *Borislavъ*, *Boguslavъ*, **Bol' eslavъ* имело, в деривационном аспекте, двойное значение. С одной стороны, словообразовательный процесс проходил в виде двух звеньев: а) сокращение основы таким образом, чтобы основа оканчивалась согласным *s-*; б) присоединение к такой основе гипокористического суф. *-jъ*, который на стыке с финальным *s-* основы после йотации проявлялся в форме йотированного члена чередования согласных (*s – š*). С другой стороны, стали обычными ласкательные имена с фонетическим исходом *-ošъ*, *-ašъ*, *-išъ*, *-ušъ*, *-ešъ* (после утраты редуцированного: *-oš*, *-aš*, *-iš*, *-uš*, *-eš*). Латинские (и латинизированные) личные имена, независимо от того, как они осуществляли контакт со славянскими диалектами – непосредственно или посредством романских и германских языков (диалектов), подвергались процессу словообразовательной адаптации. Личное имя *Tomas* (гр. Θωμάς) воспринимается как словообразующая основа на *s-*, которая, по аналогии с имеющимися славянскими формами типа *Domašъ*, деривационно адаптируется как гипокористическое производное на *-jъ* *Tomašъ*. Таким образом, на наш взгляд, возникли сербские личные имена *Томаш*, *Матујаши*, *Иваниши* и др., чешские христианские имена типа *Tomáš* (ср. *nevěřící Tomáš* ('Фома неверный'), польские личные имена *Tomasz*, *Mateusz*, *Tadeusz* и др. В польском языке этим же способом адаптировались и имена героев римской истории и культуры на *-ius*: *Owidiusz*, *Wergiliusz*.

Словообразовательная адаптация неславянских антропонимов на *-s* была ограничена, с одной стороны, языковыми (западные и южные славянские диалекты), с другой стороны, культурными ареалами (сла-

вяне, находящиеся под непосредственным влиянием латинского языка и западного христианства). Оба эти ограничения имеют и свое лингвистическое объяснение. В древнерусском языке гипокористические имена типа *Домашь*, *Ярошь(ко)* не имели широкого распространения. Это первый, языковой фактор ограничения указанной словообразовательной адаптации ($s \rightarrow \dot{s}$). Но имел место и второй, культурный фактор, препятствующий распространению личных имен типа серб. *Томаш*: среди православных славян христианство внедрялось на славянском языке, причем греческие (и грецизированные) личные имена подвергались морфологической адаптации: заимствовалась основа имени, а греческие окончания, как правило, отбрасывались. На западе навязывали богослужение на латинском языке, поэтому личные имена с латинскими окончаниями входили в славянские диалекты и в них, согласно славянскому языковому самосознанию (языковому чутью), подвергались адаптации, при этом они адаптировались не только фонетически и морфологически, но и словообразовательно, приспособляясь к продуктивным славянским словообразовательным типам.

Словообразовательная трансформация личных имен типа *Томас* в славянские формы типа *Томашь* (после утраты редуцированного: *Томашь*) была обусловлена также тем, что в позднюю эпоху общеславянского языка (а это время, когда славяне принимают христианство и создают письменность на своем языке) образование гипокористических имен типа *Домашь* от двутематических имен типа *Домаславъ* было живым и продуктивным.

Специального рассмотрения заслуживают сербские фамилии типа *Маркуш*, *Николиш*. Они могли возникнуть в результате одного из двух словообразовательных процессов. С одной стороны, они могли возникнуть в результате словообразовательной адаптации с помощью гипокористического суф. *-jъ* (обозначим его условно как *-jъ^I*): неславянское (немецкое) личное имя *Markus* адаптируется в форме *Markuš(ъ)*, позднее эта форма получает фамильное значение. Таким же способом (семантической транспозицией) были созданы также сербские фамилии *Милош*, *Угљеша* и др., омонимичные соответствующим личным именам. С другой стороны, форма *Маркуш* может восходить к посессивам с суф. *-jъ* (обозначим его условно как *-jъ^{II}*), имеющим (в сочетании с личным именем) патронимическое значение. Согласно такой трактовке, в сложном антропониме типа *Јован Маркуш* второй компонент не что иное, как посессив (притяжательное прилагательное), образованный с помощью суф. *-jъ^{II}* от неадаптированного личного имени отца *Маркус* ('Йован Маркусов сын'). Когда в языковом сознании перестали существовать посессивы на *-jъ^{II}* от личных имен на *-съ*, форма *Маркуш* стала восприниматься как фамильное прозвище, переходящее в такой же форме на следующие поколения потомков Маркуса.

Словообразовательная адаптация иноязычных личных имен в славянской языковой среде осуществлялась не только с помощью гипокористического суф. *-jъ^I*. Несклоняемые греческие (и грецизиро-

ванные) поміна ргоргіа типа *Σαλα* включались в славянское склонение с помощью сонанта *n*, являвшегося "мостиком" для перевода указанных имен в славянское словообразование (в адаптированной форме *Salanъ* стал выделяться, в результате редеривации, суф. *-anъ*, отождествляемый с суф. *-anъ* славянских личных имен типа *Milanъ*) и в славянское словоизменение (склонение по типу древних основ на *-ǫ-*). Сложность идентификации этих имен состояла в том, что они засвидетельствованы не в форме собственно существительного, а в форме посессива (притяжательного прилагательного) типа *Salanь*. Объяснению этих посессивных форм в старославянском языке мы посвятили отдельную статью настоящей серии³.

6. Ст.-слав. папѣжъ

Современное чеш. *papež* 'папа римский' (ср. *být papežštější než papež* 'быть лучшим католиком, чем папа') заимствовано в IX столетии в Моравии посредством миссионеров из Регенсбурга (др.-в.-нем. *pabes*, др.-франц. *papes* из греч. *πάππας* 'отец')⁴. В старославянских (канонических) памятниках, помимо слова *papa* (одна фиксация в Супрасльской рукописи), засвидетельствовано слово *папѣжъ* (три фиксации в Ассеманиевом евангелии и по одной в Киевских листках и Енинском апостоле) (Ст.-слав. словарь 442). В польском языке апеллатив имеет форму *papież* (ср. *być w Rzymie i nie widzieć papieża* 'быть в Риме и не видеть папы').

Хотя слово *папѣжъ* (*papež, papież*) – апеллатив и по происхождению и по своей актуальной семантике, оно обладает некоторыми признаками, которые его сближают (связывают) с категорией поміна ргоргіа (неповторимость номинации в пространстве, индивидуальность, персональность). Поэтому не удивляет тот факт, что оно в славянской среде подверглось словообразовательной адаптации с помощью гипокористического суф. *-jъ*, который включил его в словообразовательный тип ласкательных имен на *-žъ*. Этот словообразовательный тип охватывал, с одной стороны, формы, возникшие в результате йотации сокращенных основ на *z-*, которые слабо засвидетельствованы, с другой стороны, формы, возникшие в результате йотации сокращенных основ на *g-* типа серб. *Блажо, Дража*, которые засвидетельствованы лучше. Кроме того, на адаптацию основы *papez-* в форме *papežъ* повлиял параллелизм в словообразовании гипокористических форм типа *Vol' ešъ* от сокращенных основ типа *Vol' eslavъ*.

7. Славянская форма топонима *Парижъ*

История третьего вопроса – о западнославянских и восточнославянских формах ойконима *Париж* (ср. серб. *Париз*) – в сжатой форме изложена в упомянутой работе Ю.А. Карпенко: "Меня давно интригует

слово *Париж*. Речь идет о совершенно загадочном конечном звонком шипящем. Ведь по-французски этот ойконим пишется *Paris* (конечный глухой свистящий), а произносится вообще [Pari], без какого-либо финального согласного. Правда, источник названия – этноним *паризии* ('корабельники': из кельт. *par* 'корабль') – содержит звонкий свистящий, и это указывает на исходную точку процесса, но не объясняет сам процесс, т.е. переход *з* → *ж*. В.А. Никонов ограничивается в этом случае констатацией факта: "Привычное рус. написание не соответствует ни произношению, ни написанию подлинника". Е.М. Поспелов уточняет: "Принятая в русском языке форма *Париж* усвоена в искаженном виде через польск. посредство". Отмеченный ученым "искаженный вид" имеется уже в польском источнике – *Paryż*, а также и в чеш. *Paříž*, откуда эта форма и пришла в польский язык вместе со множеством других слов культурной и религиозной сферы⁵.

Картину языковых контактов на славянской территории можно было бы несколько скорректировать. Хотя влияние чешского языка на польский в отношении внедрения культурной лексики и терминологии было весьма значительным, нельзя объяснить все ономастические формы этим влиянием. В чешском языке ойконим имел палатальное *ř*, которое позднее перешло в депалатализованное *ř* (*Paříž*). В польском же языке представлено велярное *r* (*Paryż*), что говорит в пользу какого-то другого, параллельного языкового влияния (посредничества). И русская форма *Париж* не может быть до конца истолкована как отражение одного польского влияния (влияние польской формы *Paryż* наблюдается в финальном согласном *ж*, в то время как палатализованное *p'* явилось результатом какого-то другого языкового влияния (напр., Сербской Александриды).

Формы *Парижь* Сербской Александриды, болг. *Париж*, рус. *Париж*, чеш. *Paříž*, польск. *Paryż* появились, на наш взгляд, в результате словообразовательной адаптации, опирающейся на продуктивный словообразовательный тип славянских топонимов (названий городов), субстантивированных форм муж. рода ед.ч. посессивов на *-jь*. Название города с основой, оканчивающейся на согласный *z-*, было чуждо славянскому языковому сознанию (чутью), поэтому оно и было адаптировано как посессивное производное с исходом *-žь < *-z-jь*. Славянские личные имена на *-zь* были, наверное, крайне редкими, поэтому и их посессивные производные с суф. *-jь*¹¹ засвидетельствованы слабо (в древнерусских источниках нами не обнаружено ни одного подобного примера⁶). На словообразовательную адаптацию французского ойконима в славянской форме *Парижь* несомненно влияли многочисленные славянские топонимы типа др.-рус. *Радонъжь*, образованные при помощи суф. *-jь*¹¹ от личных имен с основой на *-gь*. Топонимы с фонетическим исходом *-žь*, несмотря на то, образованы ли они от личных имен на *-gь* или от личных имен на *-dь*, выражали в языковом сознании восточных славян значение посессивных производных на *-jь*. В

языковом сознании западных и южных славян форма *Париж* ассоциировалась с посессивными производными от личных имен на *-ъ*, по аналогии с которыми и происходила словообразовательная адаптация иноязычного топонима.

Словообразовательная адаптация славянами неславянских ойконимов в форме посессивных производных с суф. *-jъ* может быть подтверждена убедительным примером: романизованная форма *Anagastum* (античное название сербского города *Никишич*) как топоним называемый в древних дубровницких письменных памятниках на латинском языке, в славянской среде адаптируется в формах *Onogostъ*, т.е. 'Оногостев (город)', и *Onogoste*, т.е. 'Оногостево (село)'. Если бы не происходила словообразовательная адаптация с помощью посессивного суф. *-jъ*, на славянской почве топоним *Anagastum* получил бы фонетическое "прочтение" **Onogostъ*⁷.

Наше толкование одной отдельной категории (антропонимов типа *Томашъ*) и двух единичных форм (апеллатива *панежъ* и ойконима *Парижъ*) наглядно показывает, что в процессе словообразовательной адаптации иноязычных имен участвовали два омонимичных славянских суффикса: а) гипокористический суф. *-jъ* (условно мы его назвали суф. *-jъ¹*); б) посессивный суф. *-jъ* (условно мы его обозначили как суф. *-jъ¹¹*). И эти два суффикса в конкретном анализе методологически следует четко различать.

Примечания

¹ Карпенко Ю.А. *С – ш, з – ж* // Академик Василий Михайлович Истрин. Тезисы докладов областных научных чтений, посвященных 125-летию со дня рождения ученого филолога. 11–12 апреля 1990 г. Одесса, 1990, 30–32.

² Маројевић Р. Посессивне изведенице у староруском језику: Антропонимски систем. Топонимија. "Слово о полку Игореве". Београд, 1985, 8.

³ Маројевић Р. Старославянские притяжательные прилагательные типа *Salaibъ* // Этимология 1981. М., 1983, 46–49.

⁴ Карпенко Ю.А. Ука. соч., 31.

⁵ Там же, 30.

⁶ Маројевић Р. Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развоју и данас). Београд, 1983, 23.

⁷ Подробнее см.: Маројевић Р. Методолошка питања ономастичких истраживања // Црногорски говори. Резултати досадашњих испитивања и даљи рад на њиховом проучавању. Радови са научног скупа (12 и 13 мај 1983). Титоград, 1984, 237–238.